

Он сглатывает внезапный комок в горле и несколько раз моргает, чтобы убрать возможные следы слез. "Мне стало лучше", - отвечает он, и его голос звучит совершенно нормально, несмотря на то что ему снова хочется плакать. Он прогоняет ненужные эмоции, хороня их глубоко внутри, где они не смогут причинить ему боль.

"Мы можем что-нибудь сделать?" мягко спрашивает Эхо, его беспокойство отдается эхом в Силе.

Энакин поджимает губы и беззвучно качает головой. "Джедаи не хотят смириться с тем, что Вейдер... не собирается уничтожать их и галактику без провокаций. Конечно, он сделает все, чтобы я был в безопасности, но..." Он беспомощно пожимает плечами. "Он хочет только лучшего для Империи. Он не хочет провоцировать новую войну больше, чем я".

Клоны обдумывают его слова, и Рекс сажает спидер, прежде чем они успевают сказать что-то еще. Следующие несколько минут прошли в толкотне между толпой, за маленьким столиком в задней части бара и заказом напитков. Энакин редко пьет, в основном потому, что это не оказывает на него особого влияния. Наркотики тоже не действуют. Он не знает, можно ли вообще выпить, но иногда приятно выпить чего-нибудь, хотя бы для того, чтобы на время притупить чувства. Пить с друзьями - совсем другое дело, чем в одиночку.

"Честно говоря, я не могу представить тебя ситхом", - комментирует Файвз. "По крайней мере, не таким, как Вейдер".

"Это кажется нереальным", - бормочет Энакин, закрывая глаза и позволяя себе погрузиться в знакомое, желанное, утешительное присутствие трех самых близких друзей, не считая Оби-Вана, конечно. "Раз или два я думал, что, проснувшись, обнаружу, что все это - часть самого странного сна, который я когда-либо видел. Я рад, что Вейдер здесь. Мы понимаем друг друга лучше, чем кто-либо другой, и это... это... успокаивает", - заканчивает он, не зная, как еще передать спутанный клубок эмоций внутри него.

Он легонько постукивает пальцем по боку своего бокала и выпивает его в несколько глотков.

"Что ты будешь делать с джедаями?" спрашивает Рекс. "Ты действительно думаешь, что они сдадутся?"

Энакин пожимает плечами. "У них нет выбора".

"Они пойдут на это", - соглашается Файвз, - "Но они будут продолжать пытаться найти способ уничтожить вас обоих. Мы не позволим этому случиться". Эхо яростно соглашается.

Он не скрывает, что вздрагивает, и Рекс придвигается ближе в знак солидарности. "Он ненавидит меня", - шепчет он, и их разговор прерывается, когда бармен подходит, чтобы принести им еще одну порцию напитков. Энакину не нужно уточнять, кого он имеет в виду.

"Тогда это его упущение", - твердо говорит Эко. "Он должен был знать лучше. Он должен был знать, что нужно задавать тебе вопросы, а не делать поспешные выводы".

"Хочешь, я поговорю с ним?" неуверенно предлагает Рекс. "Сомневаюсь, что от этого будет толк, но я могу хотя бы попытаться. Или я могу попросить Коди замолвить словечко от твоего имени".

Энакин разразился невеселым смехом. "Оби-Ван никогда не станет слушать Коди о чем-то подобном. Он вообще никого из вас не слушает. Он, может, и уважает Коди и всех вас, но вы - не поймите превратно - вы не его друзья, или что-то в этом роде. Он отстранен. Как и все джедаи. Ничего личного".

"Мы ценим, что ты не такой, как все", - говорит ему Файвз. "Мы знаем, что ты не такой, как остальные. Тебе не все равно. Ты показываешь, что тебе не все равно, гораздо больше, чем любой другой джедаем, которого знаю я или мои братья".

"И мы бы поддержали тебя, даже если бы Вейдер был убийцей, а не... тобой", - подхватывает Эко. "Если бы ты доверял ему, мы бы доверяли ему".

Энакин не заслуживает этих людей. От ярости их преданности и привязанности у него перехватывает дыхание. Он заботился о них как мог; он ни разу не уклонился от своих обязанностей перед ними, как бы больно ему ни было потерять тех, кого он знает. Он не может позволить себе отдалиться от них, чтобы защитить себя. Они заслуживают гораздо большего. Они были созданы ситхами, чтобы окончательно погубить джедаев, стать пушечным мясом в войне, которую никогда не следовало вести. Каждый раз, когда они принимают его, приветствуют, даже если он чувствует, что должен был лучше защищать их после трудных миссий, он понимает, как невероятно повезло, что ему дали шанс узнать их.

"Я... я не знаю, что сказать", - наконец справляется он.

"Тебе не нужно ничего говорить... Энакин", - мягко отвечает Рекс, протягивая руку, чтобы на мгновение коснуться его предплечья. "Может, ты и не родился одним из нас, но ты стал одним из нас, потому что никогда не относился к нам как к расходному материалу. Мы важны для тебя как личности, и это значит для нас больше, чем что-либо еще".

Он медленно вдыхает, пытаясь снова взять под контроль свои бурные эмоции. Вейдер правильно поступил, отправив его сюда поговорить с Рексом, Файвзом и Эхо. Старейшина, несомненно, знал или чувствовал, что присутствие рядом кого-то, кто заботится о нем, поможет стабилизировать его состояние. Они переходят к другим темам, оставляя более эмоциональные, обсуждая, как лучше отпраздновать получение клонами гражданства, и гадая, что они будут делать теперь, когда у них есть выбор.

Энакин предлагает троим взять отпуск, но они отказываются, настаивая на том, чтобы остаться с ним и Вейдером и продолжать выполнять свои обязанности по защите. "Временами это может быть скучно, - говорит Рекс, - но это лучше, чем сражаться с кланкерами и гадать,

кто будет следующим". И Энакин не может не согласиться с этим.

Их... "перерыв" длится почти два часа, прежде чем они приходят к обоюдному согласию. Клоны отправятся в казармы на остаток дня, чтобы отоспаться от выпитого, а Энакин вернется в Сенат и на сторону Вейдера. Возможно, сначала ему стоит провести Падме. Она должна была работать с переданными ей файлами, и им нужно будет поддерживать с ней контакт по этому поводу. И, возможно, мужество, которое Рекс, Файвз и Эхо придали Энакину, сделало его достаточно сильным, чтобы встретиться с ней в одиночку.

Им нужно поговорить, и откладывание разговора никому не поможет.

И все же это не мешает его сердцу бешено колотиться, когда он идет по знакомым коридорам, ведущим к кабинету Падме в Сенате. Когда он приходит туда, она одна, и, увидев его, поднимает голову, в ее глазах мелькает удивление. Он стоит в дверях, гадая, скажет ли она ему уйти или впустит. "Входите". Голос у нее мягкий, тон такой, какой она обычно приберегает только для него, и, несмотря на то что ему стало легче - ведь это значит, что она его не ненавидит, - это не избавило его от затянувшейся неопределенности между ними.

<http://tl.rulate.ru/book/103113/3581279>